

нологически близкие к нашему времени. Часть из них оформилась в виде произведений с устойчивым сюжетом, например цикл о разбойнике-бунтаре Василии Манчары, действовавшем в первой половине XIX в., о самодуре-богаче Додоре Карлашевском и других; часть же представляет собой рассказы-воспоминания о том, например, кто были и как наживались олекминские подрядчики (стр. 204), или объяснения малопонятных теперь терминов «прожиточный надел» (стр. 219), «сверхнадежная земля» (стр. 220), «классная» система землепользования» (стр. 217), или описание того, как производились земельные переделы (стр. 221), и т. п. Включение таких рассказов, являющихся фактически не столько фольклорными произведениями, сколько этнографическим источником, представляется в данном издании целесообразным. Составителю следовало лишь оговорить это их своеобразие во введении.

Последний раздел — X («Верования. Шаманы. Крещение. Юэр»), содержащий 20 текстов) на первый взгляд мало связан с основной тематикой данного издания, однако произведения, включенные в этот раздел, повествуют о шаманах, знаках, священниках, игравших в жизни якутов важную роль, характеризуют традиционные религиозные представления якутов.

Таким образом, предания, легенды и рассказы, опубликованные в рецензируемом издании, разносторонне рисуют жизнь и быт якутского народа от древнейших времен до начала XX в.

Г. У. Эргисом проведена большая работа по комментированию и сличению исторических преданий с документами. Некоторые примечания представляют собой краткие историко-фольклорные исследования. Существенный недостаток примечаний в том, что в них фактически обойден вопрос о типичности помещаемых произведений, не отмечены другие бытовые варианты этих легенд и рассказов.

Издание снабжено хорошим научным аппаратом. Кроме примечаний даны этнографические указатели, родословные таблицы, схематические карты расселения якутов в XVII в. (карты составлены Б. О. Долгих).

В заключение отметим доброкачественный перевод текстов, хорошо передающий особенности оригинала. В этом немалая заслуга редактора, ныне покойного, А. А. Попова.

В целом «Исторические легенды и рассказы якутов» — весьма ценное издание, к которому будут обращаться не только исследователи фольклора, историки и этнографы Якутии, но и все фольклористы, работающие над историческими жанрами.

И. Гурвич

С. И. Вайнштейн. *Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки*. Под редакцией Л. П. Потапова. Издательство восточной литературы, М., 1961, 218 стр.

Рецензируемая работа посвящена исследованию дореволюционного хозяйства, быта и культуры тувинцев-тоджинцев, а также вопросам их происхождения. Историко-этнографическая литература по тувинцам вообще небогата. О тоджинцах же — крайней восточной группе тувинцев, отличающихся от остальных своих сородичей рядом особенностей (например, оленеводством у большей части тоджинцев), имеются лишь скудные и отрывочные сведения. С. И. Вайнштейн работал в Туве несколько лет, занимаясь этнографическими и археологическими исследованиями. В рецензируемой работе автор использовал по преимуществу собранные им лично материалы, а также всю имеющуюся этнографическую и историческую литературу, материалы архивов и музеев, касающиеся тувинцев-тоджинцев. Работа богато иллюстрирована фотографиями и рисунками, выполненными преимущественно самим автором.

Работа состоит из введения, семи глав и заключения. Во введении автор описывает природные условия Тоджи и приводит краткие сведения по истории тувинцев-тоджинцев. Содержание глав хорошо передается их заголовками: гл. 1 — «Происхождение тувинцев-тоджинцев» (стр. 20—36); гл. 2 — «Административное устройство, родо-племенное устройство и расселение» (стр. 37—41); гл. 3 — «Хозяйство: охота, рыболовство, оленеводство, скотоводство, домашнее производство, годовой хозяйственный цикл оленеводов, хозяйственные связи» (стр. 42—84); гл. 4 — «Жилище. Пища. Одежда» (стр. 85—126); гл. 5 — «Общественные и семейные отношения» (стр. 127—141); гл. 6 — «Народные знания и творчество» (стр. 142—169); гл. 7 — «Религиозные верования» (стр. 170—194). В заключении (стр. 195—204) автор говорит о преобразованиях в быте, культуре и хозяйстве тоджинцев за годы Советской власти. Основное достоинство работы — новизна материала, тщательно собранного автором и изложенного на высоком научном уровне. В работе подняты такие важные научные проблемы, как происхождение тоджинцев, возникновение у них оленеводства и т. п. Большой интерес представляет первая глава, посвященная вопросу о происхождении тоджинцев, для решения которого автор привлекает очень интересный и разнообразный материал — археологический (как уже отмечено, собранный самим автором), исторический, топонимический, антропологический, этнографический, легенды о происхождении родов и т. п. Эта глава, небольшая по объему, является наиболее проблемной в данной ра-

боте, поэтому мы остановимся на ней подробнее, чем на других, более описательных. Известные прежде лишь в общих чертах положения о том, что в состав тоджинцев вошли самодийские, кетоязычные, монгольские, тюркские элементы автор конкретизирует новым богатым фактическим материалом. Особый интерес представляют данные топонимки, объясняемые из самодийских и кетских языков (стр. 21, 22). В итоге автор высказывает предположение, что дотюркское население Тоджи в этническом отношении делилось на самодийско-язычные охотничье-рыболовецкие племена тайги и, с другой стороны — на кето-язычные степные племена охотников-скотоводов. Автор считает, что племена дубо, описанные в Танской летописи, являлись тюрко-язычными уйгурскими племенами, которые, переселившись в горно-таежные районы, тюркизировали жившее тут ранее население (хотя еще и в XVIII в. отдельные группы тоджинцев были самодийско-язычными), заимствовав, в свою очередь, у него ряд черт таежной культуры. Взгляды автора по поводу происхождения тоджинцев нам представляются очень убедительными, а приведенные доказательства — хорошо аргументированными.

В этой же главе автор говорит о происхождении оленеводства в Тодже (стр. 31—33). Он ставит под сомнение существовавший ранее взгляд о возникновении верхового оленеводства на Саянах на рубеже нашей эры и приводит доказательства в пользу позднего появления оленеводства у тоджинцев. Автор при этом разделяет вопрос, признавая раннее существование вьючного оленеводства на Саянах и позднее (с середины второго тысячелетия) появление верхового оленеводства под влиянием тюркских степных племен. Основной аргумент в пользу своей точки зрения автор видит в отсутствии оленеводства у племен дубо, а также в отсутствии в фольклоре и народном календаре тоджинцев мотивов оленеводства. Соглашаясь с автором, что верховое оленеводство возникло под влиянием конной верховой езды, принесенной сюда тюркскими племенами (это автор показал на ряде убедительных примеров), мы не можем признать, что автору удалось хорошо аргументировать столь позднее появление верхового оленеводства у тоджинцев: описание уйгурских племен дубо в китайской летописи относится к VII веку¹. Значит уже в VII—IX вв., если следовать точке зрения самого автора, могло возникнуть в Тодже верховое оленеводство. С другой стороны, непонятно, почему автор считает, что лишь верховое, а не более древнее вьючное оленеводство могло найти отражение в фольклоре и народном календаре. И еще — почему автор полагает, что за период четырех-пятисотлетнего, как он думает, существования оленеводства в хозяйстве, оно не должно было отразиться в фольклоре и народном календаре? Объяснение, приведенное автором, не кажется нам убедительным.

Во всей работе чрезвычайно много интересного. Одно только перечисление всех маленьких «открытий» в каждом разделе, наиболее удачных описаний и аналогий заняло бы слишком много места. Это — и описание коллективных облавных охот на копытных животных, практиковавшихся у тоджинцев еще в начале XX в. (стр. 46—48), и мастерское описание оленеводства (стр. 57—68), жилища, обстановки (стр. 85—100), пищи (стр. 101—106), одежды (стр. 106—120); здесь особенно интересны аналогии, которые автор проводит между современными головными уборами и уборами на каменных изваяниях, относящихся к тюркскому периоду. С огромным интересом читается раздел о народном творчестве тоджинцев: приводится много образцов лирических и свадебных песен, частушек, загадок, пословиц, легенд и преданий. Как положительный факт следует оценить опубликование фольклорных текстов на диалекте тоджинцев. Очень удачно написаны и такие разделы, как «Музыка» (стр. 152—155), «Декоративно-прикладное искусство» (стр. 159—169). В разделе «Религиозные верования» этнографов привлечет обилие оригинальных материалов по шаманизму в Тодже, до сих пор почти не известному в науке.

Оценивая высоко всю работу в целом, интерес, с которым она читается, и большое научное ее значение, отметим отдельные недостатки.

Вызывает некоторое сомнение правомочность изложения вопросов происхождения тоджинцев в первой главе. Вся книга посвящена описанию культуры тоджинцев; естественно, что, когда читатель знакомится с первой главой, ему эта культура еще не известна. На наш взгляд, материалы, приведенные в работе, для решения вопросов происхождения тоджинцев использованы недостаточно. С другой стороны, в некоторых главах материал дан описательно, безотносительно к этническим «напластованиям» в культуре и к вопросам о происхождении тоджинцев (глава «Хозяйство», большая часть главы «Жилище»; так, из описания неясно, пользовались ли тоджинцы «уникальным» чумом или он имеет аналогии у других народностей и т. п.). Автору было бы целесообразно (поскольку в работе ставится проблема этногенеза тоджинцев) в заключение каждой главы давать хотя бы краткие выводы, в которых указывать, какие из описанных элементов культуры связывают тоджинцев с аборигенным населением, какие — с тюрками, монголами и т. д.

Раздел «Краткие исторические сведения о туvinцах-тоджинцах» (стр. 12—19) написан предельно фрагментарно; автор здесь даже не упоминает о Тюркском каганате, в состав которого входила Тува, о власти Китая, а затем уйгуров над Тувой;

¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М., 1950, т. I, стр. 348.

ни слова не сказано также о том, что с XIII в. Тува несколько веков находилась под властью монголов.

Досадно, что к работе приложена только одна карта, которая к тому же не может удовлетворить читателя: упоминаемые в работе многочисленные реки, горные хребты и озера, о которых особенно подробно говорится во второй главе, на этой карте не нанесены.

В работе часто приводятся тувинские термины без перевода (например, названия разных видов коллективных охот — стр. 46—47, разных способов лова — стр. 55—56 и т. д.). Из бытующих у тоджинцев двух видов лыж (стр. 30, 43) почему-то описаны только лыжи, подшитые камусами. Неоправданным представляется приведение в главе «Хозяйство» данных по годовому хозяйственному циклу только у оленеводов, аналогичные данные для тоджинцев-скотоводов отсутствуют. Хотелось бы, чтобы при описании жилища автор проследил его связь с климатом и рельефом местности, с хозяйственной деятельностью населения, тут же можно было хотя бы кратко сказать о планировке «селений» (на стр. 130 говорится, что встречались аалы, состоявшие из 10—15 чумов).

В главе «Социальные отношения» автор вполне обоснованно уделяет большое внимание социальному расслоению тоджинцев. Думается, однако, что описывать только взаимоотношения и положение баев и бедняков — не совсем правильно; рядовой массе аратов в работе посвящена буквально одна фраза.

В разделе «Семейные отношения», очень интересном по новизне материалов, обнаруживается следующее противоречие: на стр. 141 говорится, что в среднем каждая семья имела четырех—шестерых детей, а на стр. 130 приводятся статистические данные, из которых явствует, что семья тоджинцев в среднем состояла из четырех человек.

В разделе «Устное народное творчество» автору следовало объяснить отсутствие у тоджинцев эпического жанра, столь широко распространенного у тувинцев других районов; ведь на стр. 152 автор пишет, что взаимное общение приводило к проникновению в фольклор тоджинцев даже элементов бурятского, монгольского, тофаларского народного творчества.

В прекрасно написанной главе «Религиозные верования» встречаются неясности. Так, на стр. 174 говорится об обиталище «хозяина тайги», а о самом образе этого духа не сказано. Не раскрыты представления тоджинцев о «хозяине горы», не описаны верования, связанные с обрядами похорон и поминков.

Читателю было бы интересно узнать, что с 1957 года работает Тувинская комплексная этнографо-археологическая экспедиция Института этнографии АН СССР, которая проводит работы и в Тодже. В 1960 году вышел первый том Трудов этой экспедиции. Сам автор является ее участником.

Приведенные критические замечания касаются отдельных конкретных вопросов. Общий уровень работы нам представляется очень высоким; она, несомненно, вызовет интерес у специалистов различных отраслей исторической науки, а также и у более широких кругов читателей.

А. Смоляк

В. А. Юзвенко. *Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці XIX ст.* Київ, 1961, 131 стр.

Изучение польско-украинских фольклористических связей представляет большой научный интерес, так как позволяет осветить одну из страниц многогранных взаимосвязей двух братских славянских народов, выявить для науки много ценных материалов. Известно, что значительная часть украинских земель на протяжении длительного времени входила в состав Польского государства. Польские ученые различных взглядов и политических убеждений неоднократно обращались к украинскому фольклору: собирали, изучали и публиковали его произведения. В польских сборниках, периодических и повременных изданиях, а также в архивах находится значительное количество иногда уникальных произведений украинского народно-поэтического творчества.

Много ценных наблюдений над украинской народной поэзией содержится в ряде исследований польских ученых. В. А. Юзвенко впервые в своей книге «Украинское народное поэтическое творчество в польской фольклористике XIX в.» поставила задачу собрать и систематизировать материал, внимательно изучить и дать правильную оценку той огромной работе, которая была проделана польскими учеными XIX в. в деле собирания, популяризации и исследования украинской народной поэзии.

Работы польских фольклористов по украинской народной поэзии В. А. Юзвенко рассматривает на общем фоне развития польской фольклористики, обусловленного ростом национального самосознания польского народа и подъемом революционного движения в Польше.

В. А. Юзвенко высказала совершенно правильную мысль о том, что фольклористика каждой славянской страны в той или иной степени влияла на развитие фольклористики всех славянских стран, но подобное взаимовлияние не вело к нивелированию национальной специфики этих исследований.